

РАЗДЕЛ I.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 101.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-8-21

ТРИ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМЫ: КЛАССИЧЕСКАЯ, НЕКЛАССИЧЕСКАЯ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ

Лебедев С. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, кор. 4, Российская Федерация

Аннотация. Цель работы – осуществить рациональную реконструкцию эпистемологических оснований классической, неклассической и постнеклассической науки. Основное содержание исследования составляет анализ процесса глобальной эволюции науки, в рамках которого имела место смена четырёх её культурно-исторических типов: древняя восточная наука, античная наука, средневековая европейская наука, современная наука. Становление последнего культурно-исторического типа произошло в Европе в эпоху Возрождения и Нового времени. Его основу составили экспериментальное исследование познаваемых объектов на эмпирическом уровне и математическое описание их законов на теоретическом уровне. Однако этот культурно-исторический тип науки также прошёл в своем развитии ряд этапов: классическая наука (наука XVII–XIX вв.), неклассическая наука (XX в.), постнеклассическая наука (конец XX в. – настоящее время). В результате исследования, осуществленного на основе системного подхода, установлено, что гносеологическое различие между вышеозначенными этапами можно сформулировать так: индуктивизм (классическая наука), неиндуктивизм (неклассическая наука) и конструктивизм (постнеклассическая наука), что позволяет сделать вывод о качественном, парадигмальном различии классической, неклассической и постнеклассической эпистемологии. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что автору удалось обновить проблематику, связанную с выявлением качественных отличий этапов становления научного знания, которые обнаруживаются не только в онтологии (преимущественному типу объектов исследования: макрообъекты – классическая наука, микрообъекты – неклассическая наука и природно-социальные системы – постнеклассическая наука), но и в гносеологических и методологических основаниях. Статья адресована специалистам в области онтологии и теории познания, преподавателям философских наук, аспирантам всех направлений.

© СС BY Лебедев С. А., 2019.

Ключевые слова: культурно-исторический тип науки, классическая эпистемология науки, неклассическая эпистемология науки, постнеклассическая эпистемология науки.

THREE EPISTEMOLOGICAL PARADIGMS: CLASSICAL, NON-CLASSICAL, POST-NON-CLASSICAL

S. Lebedev

Lomonosov Moscow State University

27-4, Lomonosovskiy ave. Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. During the global evolution of science there was a change of four of its cultural and historical types: ancient Oriental science, ancient science, medieval European science, modern science. The formation of the last cultural and historical type occurred in Europe in the Renaissance and Modern times. It is based on an experimental study of cognizable objects at the empirical level and a mathematical description of their laws at the theoretical level. However, this cultural and historical type of science has also passed in its development a number of stages: classical science (17th – 19th centuries), non-classical science (early 20th century – late 20th century), post-non-classical science (late 20th century – present time.) These stages differ qualitatively not only in their ontology (the predominant type of research objects): macro objects – classical science, micro objects – non-classical science and natural and social systems – post-non-classical science), but also in their epistemological and methodological foundations. The epistemological difference between them can be formulated as: inductivism (classical science), neo-inductivism (non-classical science) and constructivism (post-non-classical science). The article provides a rational reconstruction of the epistemological foundations of classical, non-classical and post-non-classical science and concludes on the qualitative, paradigmatic difference between classical, non-classical and post-non-classical epistemology. The article is aimed at the experts in ontology, epistemology, lecturers in philosophy and postgraduate students

Keywords: *cultural and social type of science, classical epistemology of science, non-classic epistemology of science, post-non-classic epistemology of science*

Введение

Эпистемология является одним из разделов гносеологии как общей теории познания, всех его видов (чувственного, рационального, обыденного, художественного, философского, религиозного, научного и др.). Предмет эпистемологии – научное познание, его природа (как оно в принципе возможно), виды научного познания, структура научного знания, методы получения и обоснования научного знания, закономерности развития

научного знания, научная истина, её критерии и способы легитимации. Как особый раздел философии эпистемология возникла в Древней Греции (Парменид, Сократ, Платон, Аристотель, скептики). Возможна ли наука как логически доказательное и истинное знание, каковы функции опыта и мышления в научном познании, достижима ли в науке объективная и абсолютная истина, и если да, то какими методами такая истина может быть получена и удостоверена, какие рекомен-

дании на этот счёт философия может дать науке? Вот круг центральных проблем эпистемологии от её возникновения вплоть до конца XIX в.

В XX в. под влиянием огромных успехов реальной науки произошла резкая смена проблемной ориентации эпистемологии. В отличие от традиционной эпистемологии современная ориентирована не на решение вопроса, какой должна быть наука, не на построение идеальной модели науки, считая такого рода проблемы «метафизическими», а на анализ и описание структуры и методов реальной науки, её динамики, а также культурно-исторических и философских оснований науки и научного познания. Главная причина такой ориентации достаточно проста и вместе с тем фундаментальна. Как показывает анализ истории науки, в ходе развития науки время от времени происходят глобальные изменения не только в её содержании, но и в смене её эпистемологических парадигм, в изменении взглядов учёных на сущность научно-познавательной деятельности, её цели, идеалы и возможности, её методологию. Одним словом, реальная эпистемология науки всегда привязана к существующему культурно-историческому типу науки и меняется вместе с ним.

Как известно, современный культурно-исторический тип науки сформировался в Новое время. Ему предшествовали древневосточный, античный и средневековый культурно-исторические типы науки, существенно различавшиеся между собой не только своим содержанием, но и своими представлениями о предназначении науки, структуре научного познания и его методах. Возникновение в Новое время нового

культурно-исторического типа науки, пришедшего на смену средневековой науке, было обусловлено возникновением в обществе того времени нового взгляда на цели научного познания, согласно которому главной целью науки должно быть получение не просто истинного, но и практически полезного знания. Наука и научные знания должны быть главным рычагом экономического и социального прогресса общества. В результате такого запроса на науку в Новое время резко возросла динамика научного знания, особенно в естествознании и математике (Галилей, Декарт, Ньютон, Лейбниц и др.).

Возникший в Новое время культурно-исторический тип науки, основой которого были экспериментальное исследование познаваемого объекта (материальный и мысленный эксперимент) и математическое описание их результатов, прошёл в своём развитии несколько этапов: классическая наука (XVII–XIX вв.), неклассическая наука (XX в.) и современная постнеклассическая наука (конец XX в. – настоящее время). Эти этапы качественно различаются между собой в плане как онтологии, так и эпистемологии. Их онтологическое различие состоит в характере преимущественного типа объектов исследований. Для классической науки это были макрообъекты, для неклассической – микрообъекты и мезообъекты, а для постнеклассической науки – сложные природные, социальные и природно-социальные системы (технические, инженерные, информационные, техносфера, биосфера, ноосфера, человек как природно-социальная система и др.). Однако не менее разительное качественное различие между классической, неклассической

и постнеклассической наукой было и в эпистемологическом отношении. Покажем это путём реконструкции основных принципов классической, неклассической и постнеклассической эпистемологии, которые не просто различаются между собой, но и частично противоречат друг другу.

Классическая эпистемология

Классическая эпистемология возникла в Новое время вместе с возникновением новоевропейской науки, суть которой состояла в новом понимании места науки в обществе и её предназначении. «Знание – сила» – вот суть идеологии новоевропейской науки, чётко сформулированной одним из её создателей Ф. Бэконом [6]. Это предназначение науки существенно отличалось от понимания её смысла как в античную эпоху («единственная цель науки – объективная истина»), так и от аксиологии средневековой европейской науки («главная цель науки – благо человека»). «Знание – сила» означало, что наука – это необходимое средство достижения человеком господства над природой и социальной средой, которое возможно только через получение о них объективно-истинного знания.

Формирование классической эпистемологии происходило в течение длительного времени в условиях соперничества двух альтернативных концепций понимания природы научного познания: эмпиризма и рационализма [8]. Сторонники эмпиризма (позитивизма) полагали, что основой, источником и критерием истинности научного знания может быть только опыт, только данные наблюдения

и эксперимента (Бэкон, Конт, Милль, Дживонс, Мах и др.). Научное знание должно получаться путём опытного познания действительности и последующего логического обобщения данных опыта. Понятия «научное знание» и «эмпирическое знание», по существу, отождествлялись. При таком подходе любое неэмпирическое знание (философское, теологическое и даже математическое) по определению не должно считаться научным. Ненаблюдаемые сущности не могут быть предметом науки, ибо утверждения о них не могут быть проверены эмпирическим опытом. Именно поэтому, с точки зрения эмпириков, хотя вся прежняя философия и была рациональным знанием, тем не менее она не была наукой. У науки должен быть особый метод открытия и обоснования своих истин. И таким методом может быть только индукция, аргументация от частного к общему. Основу индуктивного метода составляет обобщение данных опыта или сравнение следствий научных законов и теорий с данными наблюдения и эксперимента. Поэтому индукция это единственно научный метод не только открытия и доказательства истинности научных законов, но и опровержения ложных гипотез.

Однако уже к середине XIX в. для большинства учёных и философов стала очевидной несостоятельность индуктивистской методологии науки. Каковы были основания для такого вывода? В истории логики и методологии были разработаны две концепции индукции как метода научного познания: перечислительная и элиминативная. Первое понимание индукции было предложено ещё Аристотелем: это вывод от знания о наличии определенно-

го свойства у каждого элемента некоторого класса к заключению о наличии этого свойства у всего класса в целом. Ясно, что если число элементов класса *A* конечно (например, число планет солнечной системы) и если установлено, что каждому элементу присуще некоторое свойство *B* (например, эллиптическая орбита движения), то отсюда с логической необходимостью следует вывод, что все *A* суть *B* («все планеты вращаются вокруг Солнца по эллиптическим орбитам»). Такая перечислительная индукция получила название *полной индукции*.

Но наука (особенно естествознание), как правило, имеет дело с изучением либо очень больших конечных классов объектов, величина которых неизвестна, либо потенциально бесконечных классов (конечных классов, которые могут быть в будущем увеличены), либо, наконец, с актуально бесконечными классами (т. е. с завершёнными бесконечностями). А именно с такого рода ситуациями имеет дело учёный, когда переходит от знания фактов к знанию законов явлений (в случае эмпирических законов – к утверждениям о потенциально бесконечных классах, а в случае теоретических законов – к утверждениям об актуально бесконечных классах). Такой вид перечислительной индукции (выводов «от некоторых ко всем») получил название *неполной индукции*.

Очевидно, что заключение по неполной индукции не имеет логически необходимого характера, а является только вероятным или возможно истинным. А это, в частности, означает, что если установлено, что все следствия некоторого закона являются истинными, то это отнюдь не является

доказательством истинности самого закона. Более того, установление истинности следствий любого закона или теории не делает даже вероятно истинными законы и теории, поскольку, согласно определению логического следования, истинные следствия могут быть законно выведены и из ложных посылок. То, что неполная перечислительная индукция в принципе не в состоянии быть методом доказательства истинности научных законов и теорий, было очевидно не только для Аристотеля, но и для подвергнувшего его не совсем корректной критике Ф. Бэкона. В качестве метода доказательства истинности научных законов Бэкон предложил новый вид индукции – индукцию через элиминацию. Впоследствии структура этого вида индукции была подробно описана Дж. С. Миллем в книге «Система логики: силлогистической и индуктивной».

Индукция через элиминацию состоит из двух основных процедур:

- 1) установление соответствия следствий исследуемой гипотезы причинного закона данным наблюдения и эксперимента;
- 2) доказательство ложности всех логически возможных гипотез об истинной причине явления, кроме одной.

Однако, как показал анализ доказательных возможностей индукции через элиминацию, даже реализация обеих её процедур не может гарантировать истинность оставшейся не опровергнутой гипотезы о причине исследуемого явления. Во-первых, мы никогда не можем быть уверены, что среди зафиксированных данных наблюдения, предшествующих наступлению интересующего события,

находилась полная его причина, а во-вторых, что она вообще там была. Простой пример: допустим, вас интересует причина закипания воды. На какие предшествующие закипанию воды данные опыта необходимо обратить внимание? Это может, только температура закипания воды, или это и степень чистоты воды (например, только идеально чистая по химическому составу вода), или важна также величина атмосферного давления, или высота местности относительно уровня моря, или, наконец, характер взаимодействия всех указанных факторов. А может быть причиной закипания воды является как раз то, что вообще не было зафиксировано в опыте. Общий вывод следующий: возможности метода индукции через элиминацию отнюдь не превосходят доказательной силы метода перечислительной индукции.

Оба метода способны приводить только к вероятным заключениям о причинах явлений. Как убедительно показали отечественные ученые М. Н. Рутковский и А. И. Чупров [13], некритическое следование правилам индукции через элиминацию может вообще привести даже не к вероятным гипотезам, а просто к ложным выводам.

Вопрос о роли индуктивного метода в науке имеет принципиальное значение для оценки состоятельности эмпирической эпистемологии, считающей, что только данные наблюдения и эксперимента могут и должны быть источником, основой и критерием истинности любого научного знания, как эмпирических фактов, так и научных законов и теорий. Вопрос о роли индукции в научном познании – это, по существу, вопрос о том, является ли

эмпирический опыт доказательной инстанцией в научном познании, или это только необходимый материал для его последующей переработки мышлением в научное знание на основе некоторого множества рациональных принципов: логических (обеспечение доказательного характера научного знания), лингвистических (обеспечение соответствия научного знания общим нормам и правилам дискурса), экономических (простота, объяснительная, предсказательная сила научного знания), практических (полезность знания, его применимость для решения практических задач) и др.

Может ли быть соответствие знания данным наблюдения и эксперимента универсальным, главным или даже единственным критерием оценки его научности, доказательности и истинности? В плане универсальности эмпирического опыта как критерия оценки научного характера знания уже для большинства философов и учёных второй половины XIX в. был очевиден отрицательный ответ на этот вопрос, поскольку математическое знание (особенно после открытия неевклидовых геометрий) явно не соответствовало этому критерию. Отказываться же математическому знанию в статусе научности явно претит не только интуиции ученых, но и обычному здравому смыслу.

Для учёных этого периода развития классической науки стало очевидным также и то, что эмпирический опыт не может быть средством доказательства истинности научных законов и теорий, этих важнейших элементов структуры научного знания. Дело в том, что содержание любых научных законов и теорий всегда выходит за пределы не

только наличного, но и любого возможного опыта, поскольку содержит такие предикаты в составе своих суждений, как всеобщность, необходимость, а также имена идеальных (не наблюдаемых, а только мысленных) объектов и т. д. Опыт же фиксирует только то, что было или есть, но не то, что может или должно быть. Наконец, соответствие опыту не может быть не только главным, но и вообще критерием истинности общих научных гипотез и концепций, ибо любой индуктивный вывод от частного (данные опыта) к общему (законы и теории) в принципе не является доказательным выводом, ибо правила логики запрещают судить об истинности оснований по истинности их следствий. Не существуют (и они невозможны в принципе) не только индуктивная логика открытия законов и теорий, но и индуктивная логика доказательства их истинности.

С логической точки зрения все научные законы и теории по отношению к эмпирическим данным всегда являются не более чем гипотезами. Осознание ограниченных возможностей эмпирического опыта как источника, основы, критерия доказательности и истинности научного знания стало главной причиной отказа представителей эмпиристского варианта классической эпистемологии от претензий на её универсальную значимость по отношению к реальной науке.

Такая же участь постигла и рационалистский вариант классической эпистемологии, представители которого считали, что научное знание должно быть имманентным (собственным) продуктом только мышления, ибо только в этом случае научное знание может быть логически дока-

зательным и истинным, что является его главной отличительной чертой по сравнению со всеми другими видами знания.

Принцип «научное знание – имманентный продукт мышления» был впервые сформулирован и обоснован философами Древней Греции (Фалес, Парменид, Платон и др.). Они же определили научное знание как «логически доказанное знание». Научное знание («эпистема») они противопоставляли «доксе», или мнению. В последнюю категорию знания они зачисляли, в частности, все общие суждения эмпирического и практического характера, имеющие своим единственным основанием соответствие имеющимся данным наблюдения и эксперимента (знание «техно»).

Альтернативой эмпиристской эпистемологии классической науки была рационалистская эпистемология, которая была представлена в трудах таких выдающихся учёных и философов того времени, как Галилей, Декарт, Лейбниц, Гегель и др. Как и представители эмпиристской эпистемологии, сторонники рационалистской эпистемологии Нового времени считали целью науки достижение истинного знания о предмете научного познания.

Однако в понимании средств достижения этой цели взгляды эмпириков и рационалистов существенно различались. Эмпирики считали, что такими средствами должны быть только опыт (данные наблюдения и эксперимента) и индукция (последующее обобщение опытных данных с помощью мышления). Для эмпириков при научном познании реальности мышление должно быть только слугой опыта и не должно выходить за пределы опыта (Локк).

Для рационалистов же дело обстояло с точностью наоборот: в науке именно мышлению принадлежит главная роль в получении и обосновании научных истин. Опыт же, напротив, играет в научном познании только вспомогательную роль, будучи либо одной из внешних причин активизации деятельности мышления, либо эмпирическим подтверждением результатов деятельности мышления. Мышление, считали рационалисты, если правильное, может приводить только к истинным выводам относительно любого предмета познания.

Каковы же средства правильного мышления, или «правила руководства ума» (Декарт)? Таких правил не так уж много. Это:

1) методическое (систематическое) сомнение во всём, что не очевидно для мышления (это все сложные по содержанию суждения и концепции);

2) разложение сложного содержания на максимально простые его составляющие (мысленный анализ, цель которого – редукция сложного к простому);

3) восприятие содержания простых идей как очевидных для мышления (акт мысленной интуиции), если сомневаться в них уже невозможно;

4) обратная операция сборки содержания сложных идей либо как синтеза более простых идей, либо как результата их логического вывода (дедукции) из простых и очевидных идей.

К этим познавательным операциям мышления другие рационалисты также добавили следующие:

– мысленный эксперимент и математическая модель предмета научного познания (Галилей);

– продуктивное воображение и априорный категориальный синтез (Кант);

– аналитическая истинность математического знания и вероятная истинность эмпирического знания (Лейбниц);

– метод диалектического синтеза содержания мышления в его движении от простого к сложному (Гегель);

– рефлексивная деятельность сознания по нахождению для любой единицы знания лежащего в её основе феномена – идеи, абсолютно очевидной для «чистого» сознания, сознания, полностью очищенного от любого влияния культуры и вынесенного за её скобки (Гуссерль).

Однако у всех предложенных рационалистами методологических рекомендаций оказался один серьезный изъян: их чрезвычайно узкая база применимости по отношению к реальной науке. О применении дедукции и интуиции как основных методов научного познания можно было серьезно говорить только по отношению к математике и логике. Но это было неверно в отношении естественных, технических и социальных наук, где эмпирический опыт был основой научного познания. А именно дисциплины этих наук составляли основной объём знания классической науки.

Предложенные же Галилеем методы мысленного эксперимента и создания математических моделей объектов получили свою реализацию в классическом естествознании, но только в теоретической физике. Методы же диалектического развёртывания содержания мышления или феноменологической редукции в построении истинного знания нашли своё вопло-

щение лишь у самих авторов этих методов: в философских системах Гегеля и Гуссерля. Но главный удар по априорно-рационалистическому истолкованию природы научного знания был нанесён развитием самой реальной науки. Речь идёт о таких поистине революционных событиях в науке как создание неевклидовых геометрий и теории бесконечных множеств Кантора (XIX в.), теории относительности и квантовой механики (начало XX в), создание большого числа альтернативных теорий во всех естественных и социальных науках (вторая половина XIX – начало XX в.).

Самое главное – это развитие полностью опровергло все варианты классической эпистемологии, как эмпирические, так и рационалистические. Обнаружившееся противоречие классической эпистемологии реальной науке и её развитию создало вполне обоснованный запрос на создание качественно новой, неклассической эпистемологии. Исходной установкой создания новой, неклассической эпистемологии должна быть её сознательная ориентация при построении моделей научного познания на реальную науку, её структуру, методы и закономерности как на свою эмпирическую основу и проверочный базис. Такого рода ориентация с необходимостью вела к введению в ядро неклассической эпистемологии постулатов, не просто новых по сравнению с принципами классической эпистемологии, но и во многом противоречащих им.

Неклассическая эпистемология

Неклассическая эпистемология возникла как рефлексия эпистемоло-

гических оснований неклассической науки. Ядром неклассической эпистемологии, её основными постулатами стали принципы:

1) гипотеза является не только основным методом научного познания, но и формой существования научного знания;

2) эмпирический опыт (и основанный на нём метод индукции) в принципе не в состоянии быть средством доказательства истинности научных законов и теорий, этих центральных элементов научного знания;

3) вероятностное знание в науке столь же законно, как и универсальное;

4) в науке не существует универсального и единственно правильного метода познания, методологический плюрализм в науке – это неизбежное и естественное её состояние (наличие в науке множества методов познания в зависимости от содержания объекта, целей познания, характера предпосылочного (априорного) знания).

Категориальными маркерами неклассической эпистемологии стали характеристики науки и научного знания: плюрализм, относительность, открытость к изменениям, научные революции, опровержимость научного знания, конкуренция научных концепций и теорий, некумулятивный характер развития научного знания, многокомпонентный характер критериев истинности научного знания и его различных единиц [7]. Основной вклад в развитие неклассической эпистемологии внесли прежде всего, сами выдающиеся ученые-первопроходцы неклассической науки (Лобачевский, Риман, Гильберт, Пуанкаре, Эйнштейн, Бор, Гейзенберг и др.), а также пред-

ставители ряда философских направлений, таких как конвенционализм, инструментализм, прагматизм, логический позитивизм, постпозитивизм [9].

Центральными постулатами неклассической философии науки являются:

1. онтологический плюрализм не только областей науки, но и уровней научного знания [8].

2. функциональный и методологический плюрализм разных видов научного знания [7].

3. открытие феномена принципиальной логической недообоснованности и недоопределённости любой единицы научного знания [3].

Избежать ситуации прекращения бесконечного регресса в достижении абсолютно полной обоснованности и определённости научного знания и ограничения научного познания достижением только относительной обоснованности и определённости научного знания можно только одним способом: использованием субъектом научного познания не только возможностей опыта и мышления, но и ресурсов его когнитивной воли. Рационально артикулируемыми средствами действия последней является только принятие когнитивных решений либо на основе научных конвенций (для индивидуального субъекта научного познания), либо на основе научного консенсуса (для дисциплинарного научного сообщества как социального субъекта научного познания). Принятие такого рода решений об относительной обоснованности и определённости научного знания диктуется соображениями практического применения научных знаний, которое невозможно без веры в обоснованность,

определённость и истинность применяемого научного знания.

Интенсивное развитие науки в конце XX в., постоянно увеличивающаяся пролиферация альтернативных концепций и теорий в любой области науки и на любом уровне научного познания, а самое главное – ориентация современной науки на исследование нового типа объектов, а именно биологических, технических и социальных сверхсложных как в структурном, так и в функциональном отношении систем, постепенно привело к формированию нового типа науки, получившего название «постнеклассическая наука» [11].

Новый тип науки потребовал создания новой её философии, которая не только репрезентировала бы онтологические особенности постнеклассической науки, но и легитимировала бы её особые гносеологические основания. В результате подобный запрос привел к формированию постнеклассической эпистемологии.

Постнеклассическая эпистемология

Основной вклад в формирование содержания постнеклассической эпистемологии внесли представители следующих направлений философии науки: социология научного знания (Малкей, Гилберт и др.) [2; 10]; теория научных коммуникаций (Латур и др.) [5]; анархистская методология научного познания (Фейерабенд и др.) [12]; парадигмальная теория развития научного знания (Кун и др.) [4]; радикальный конструктивизм (Матурана, Вацлавик, Глазерфельд и др.) [14]; постструктурализм и постмодернизм (Фуко, Лиотар, Делез, Бодрийяр) [1; 3].

Ядро постнеклассической эпистемологии образуют следующие принципы:

1. Структурный плюрализм научного знания. Научное знание представляет собой суперсложную плюралистическую систему, состоящую из качественно различных областей, уровней, видов и единиц научного знания, разных не только по содержанию, но также по логической форме и выполняемым функциям в целостной системе научного знания [8].

2. Плюрализм методов научного познания. Различные области науки, отдельные науки, разные уровни научного знания в каждой из дисциплин, разные виды научного знания существенно различаются между собой не только по содержанию, но и по методам своего получения и обоснования [14].

3. Плюрализм научных истин. Система научного знания в целом и любой отдельной науки состоит из качественно различных типов научных истин, в том числе и противоположных по содержанию (альтернативные концепции, теории и исследовательские программы) [4].

4. Плюрализм критериев истинности научного знания. В науке не существует универсального, единого для всех единиц знания критерия истинности. Для качественно различных либо по содержанию, либо по форме, либо по функциям единиц знания существуют свои особые критерии истинности. Но все они имеют между собой два общих свойства: 1) являются многокомпонентными и 2) включают в свой состав консенсуальную компоненту (экспертное заключение дисциплинарного научного сообщества).

5. Любая научная истина имеет субъект – консенсуальный характер [9].

6. Процесс научного познания, вся деятельность ученых по производству и обоснованию знания имеет социальный характер [5].

7. Главным субъектом современного научного познания является не отдельный учёный, а дисциплинарное научное сообщество [6].

8. Коммуникационные взаимосвязи между учеными в процессе научного познания имеют столь же существенное значение для производства нового научного знания и его эпистемологической оценки, как и взаимодействие ученых с познаваемыми объектами. Причем последний тип отношения всегда опосредован коммуникационными связями между членами научного сообщества. Эффективный научный менеджмент (эффективное управление научными исследованиями и разработками) является одним из важных факторов продуктивности научных исследований и динамики научного знания [13].

9. Научные революции – естественный и необходимый этап развития научного знания. В целом развитие научного знания имеет некумулятивный характер [4].

10. Сменяющие друг друга новые фундаментальные теории не только отрицают друг друга, но и соизмеримы между собой лишь частично. Поэтому не существует чисто рационального критерия предпочтения одной из них. Выбор между ними осуществляется на основе когнитивной воли научного сообщества и научного консенсуса [9].

11. Несмотря на творческую природу научного познания на всех его уров-

нях, а также фундаментальный плюрализм структуры, методов и критериев истинности научного знания, система научного познания и знания в целом является внутренне взаимосвязанной, в ней одни элементы влияют на другие. Поэтому лозунг анархистской концепции постнеклассической методологии науки «Все сойдет» (П. Фейерабенд), утверждающий ценность абсолютной свободы когнитивной деятельности в науке, противоречит реальной познавательной практике, абстрагируясь от социального и системного характера научного знания [12].

12. С другой стороны, столь же некорректной является такая концепция постнеклассической методологии науки, как постструктурализм, представители которой абсолютизируют взаимосвязь различных элементов научного знания и, как следствие, контекстуальный характер научного знания и субъективную природу научных истин [14]. Взаимосвязь различных элементов научного знания между собой не отменяет факта их дискретности, относительной самостоятельности и зависимости их содержания от содержания познаваемых объектов.

13. Каждая из различных концепций постнеклассической методологии науки имеет в своём содержании определённое рациональное зерно. Синтез этих рациональных зёрен является необходимым условием создания достаточно полной и адекватной современной науке постнеклассической методологии [8].

14. Все дихотомии методологии науки (теоретическое – эмпирическое, аксиомы – теоремы, априорное – апостериорное, аналитическое – синтетическое, естественно – научное – со-

циальное, интуитивное – дискурсное, явное – неявное, текст – контекст, вероятное – достоверное, условное – безусловное и др.) имеют строгое различение только в рамках методологической теории. Однако при их применении к реальному научному знанию все они являются относительными [8].

Обобщенно ядро постнеклассической эпистемологии может быть охарактеризовано как «**ЭПИСТЕМОЛОГИЯ БК**»:

1) **конструктивность** научного познания и знания (научное знание – особый вид артефактической реальности, создаваемый учёными);

2) **контекстуальность** научного знания (любая единица научного знания всегда является элементом или частью более обширной системы знания – её контекста, который никогда полностью не определён);

3) **культурологичность** реальной научно-познавательной деятельности и её результатов (научное познание и научное знание всегда являются частями существующего типа культуры и потому зависят от нее);

4) **коммуникативность** научного познания (коммуникации между учеными – важнейшая составляющая процесса научного познания, влияющая как на производство научного знания, так и на оценку полученных результатов);

5) «**как бы**» научного знания (научное знание в существенной степени метафорично и условно),

6) **консенсуальность** научных истин (принятие решения об истинности той или иной единицы научного знания всегда имеет консенсуально-экспертный характер, являясь прерогативой дисциплинарного научного

сообщества как главного субъекта научной деятельности).

Классическая, неклассическая и постнеклассическая эпистемология могут рассматриваться как три каче-

ственно различных парадигмы в эпистемологии культурно-исторического типа науки, возникшего в Новое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М.: Рипол-Классик. 2017. 288 с.
2. Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. М.: Прогресс. 1987. 269 с.
3. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1986. 256 с.
4. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс. 1975. 288 с.
5. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высшая школа экономики. 2014. 384 с.
6. Лебедев С. А. Курс лекций по философии науки. М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2014. 318 с.
7. Лебедев С. А. Структура научной рациональности // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 66–79.
8. Лебедев С. А. Пересборка эпистемологического // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 53–64.
9. Лебедев С. А., Коськов С. Н. Конвенции и консенсус в контексте современной философии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 1. С. 7–13.
10. Малкей М. Наука и социология знания. М.: Прогресс, 1983. 253 с.
11. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
12. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. 543 с.
13. Философия науки. Общий курс / С. А. Лебедев, А. Н. Авдулов, В. В. Ильин, Ф. Ф. Лазарев, Л. В. Лесков, Э. М. Мирский, Б. Г. Юдин. М.: Академический проект, 2010. 731 с.
14. Цоколов С. Дискурс радикального конструтивизма. Мюнхен, 2000. 333 с.

REFERENCES

1. Baudrillard J. *Fatalnye strategii* [Fatal Strategies]. Moscow, *Ripol-Klassik Publ.*, 2017. 288 p.
2. Gilbert J., Malkey M. *Otkryvaya yashchik Pandory* [Opening Pandora]. Moscow, Progress Publ., 1987. 269 p.
3. Ilyin I. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Post-structuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow, 1986. 256 p.
4. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress Publ., 1975. 288 p.
5. Latour B. *Peresborka sotsialnogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social. An Introduction to Actor Network Theory]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2014. 384 p.
6. Lebedev S. A. *Kurs lektzii po filosofii nauki* [A Course of Lectures on the Philosophy of Science]. Moscow, Bauman Moscow State Technical University Publ., 2014. 318 p.
7. Lebedev S. A. [The structure of scientific rationality]. In: *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2017, no. 5, pp. 66–79.
8. Lebedev S. A. [Rebuilding the epistemological]. In: *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2015, no. 6, pp. 53–64.
9. Lebedev S. A., Koskov S. N. [Convention and consensus in the context of contemporary philosophy of science]. In: *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in Psychology and Pedagogical Studies], 2014, no. 1, pp. 7–13.

10. Mulkay M. *Nauka i sotsiologiya znaniya* [Science and the Sociology of Knowledge]. Moscow, Progress Publ., 1983. 253 p.
11. Stepin V. S. *Filosofiya nauki. Obshchie problemy* [The Philosophy of Science. Common Problems]. Moscow, Gardariki Publ., 2006. 384 p.
12. Feyerabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected Works on Science Methodology]. Moscow, 1986. 543 p.
13. Lebedev S. A., Avdulov A. N., Ilyin V. V., et al. *Filosofiya nauki. Obshchii kurs* [The Philosophy of Science. A Comprehensive Course]. Moscow, Academic project Publ., 2010. 731 p.
14. Tsokolov S. *Diskurs radikalnogo konstruktivizma* [The Discourse of Radical Constructivism]. Munich, 2000. 333 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедев Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;
e-mail: saleb@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Lebedev – Doctor of Philosophy, professor, chief researcher at the Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University;
E-mail: saleb@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Лебедев С. А. Три эпистемологических парадигмы: классическая, неклассическая и постнеклассическая. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 8 – 21.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-8-21

FOR CITATION

Lebedev S. A. Three Epistemological Paradigms: Classical, Non-Classical, Post-Non-Classical. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 8 – 21.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-8-21